

Союз
писателей
Москвы

Библиотечка
ПОЭЗИИ

Выпуск № 9

Рада
Полищук

Мелким убористым почерком

Москва 2011

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ МОСКВЫ

Библиотечка поэзии

Рада Полищук

*Мелким
убористым
почерком...*

Стихи

Москва

2011

Библиотечка поэзии
Союза писателей Москвы

Главный редактор
Людмила Осокина

Редколлегия

Елена Исаева
Алексей Караковский
Кирилл Ковальджи
Нина Краснова
Татьяна Кузовлева
Елена Лапшина
Галина Нерпина
Александр Тимофеевский

Полищук Р. Е.

П 50 Мелким убористым почерком: Стихи. — М.: Союз писателей
Москвы, 2011. — 32 с. (Библиотечка поэзии СПМ).

Рада Полищук — известный писатель, журналист. Автор
девяти книг прозы.

«Мелким убористым почерком» — первая книжка стихов, в ней около
тридцати стихотворений.

«Стихи Рады Полищук такие же пронзительные, как ее проза, за
каждым словом, каждой строкой слышится напряженный душевный
поиск, ненадуманное переживание. И полная откровенность, открытость
в сокровенном — как знак доверия своему читателю» — так отзывается о
стихах Рады Полищук известный поэт Кирилл Ковальджи.

ISBN 978-5-255-01677-48

© Р. Полищук, 2011
© Л.М. Влодова, дизайн, 2011
© СПМ, 2011

О НАШЕЙ БИБЛИОТЕЧКЕ

“Что делать нам с бессмертными стихами?” — воскликнул
Гумилёв по совершенно другому поводу, но сегодня это звучит — увы! — слишком конкретно. Как быть поэзии в жестоких
условиях рынка, как ей быть в попсовом телевизионном про-
странстве, в бездонном, слишком доступном для графоманов
Интернете?

Это факт: поэзия с каждым годом богаче, а читателей всё
меньше.

Вот мы и решили внести свой, пусть небольшой вклад в
дело преодоления такой болевой ситуации. Стали выпускать
недорогие книжечки избранных стихотворений современных
поэтов — членов Союза писателей Москвы. Эти книжечки —
своеобразные визитные карточки для представления авторов-
профессионалов широкому кругу читателей.

К сожалению, массовый читатель знаком только с немно-
гими ключевыми фигурами современной поэзии. Однако есть
много поэтов, заслуживающих внимания, но не удостоивших-
ся по разным причинам известности. Их знают, в основном,
только профессионалы, коллеги по литературному цеху. Но так
хотелось бы, чтобы эти имена стали известны читателям.

Поэтому для тех, кто заинтересуется тем или иным авто-
ром, мы даем не только стихи, но и краткую биографию и биб-
лиографию наших авторов.

Идея библиотечки давно носилась в воздухе. Но Союз пи-
сателей Москвы смог приступить к ее осуществлению только
сейчас.

Будем надеяться, что помощников и спонсоров библиотеч-
ки со временем станет больше, тогда и периодичность изда-
ния, и тиражи возрастут. А уж за поэтами дело не станет!

Редколлегия

БИОГРАФИЯ В ДВУХ ЧАСТЯХ

ИЗ «ЛИЧНОГО ДЕЛА»

Рада Полищук родилась и живет в Москве. Окончила семилетнюю общеобразовательную школу, затем Московский авиационный приборостроительный техникум и Московский авиационный институт, до 1989 года работала по специальности в «почтовом ящике» со всеми вытекающими режимными строгостями и ограничениями, потом в организации Москоллектор – обходчиком в коллекторе с подземными коммуникациями. Резкая смена режима работы: сутки через трое и крутой поворот в судьбе. С 1984 по 1990 год посещала семинар прозы (Леонид Жуховицкий, Сергей Есин) в студии для молодых литераторов при Союзе писателей СССР на улице Писемского. С 1991 года после путча в стране и революции в Союзе писателей СССР, два года проработала в секретариате нового демократического Союза российских писателей. С 1994 года по настоящее время – издатель и главный редактор российско-израильского литературного альманаха «ДИАЛОГ». Режим работы – круглосуточный, без выходных и отпуска. Автор проекта «Театр Рады Полищук».

Член Союза писателей Москвы, Союза российских писателей, Союза журналистов России, Русского ПЕН-центра.

НА ПОЛЯХ «ЛИЧНОГО ДЕЛА»

«Есть только миг между прошлым и будущим». Или: «Покой нам только снится». Или: «Я помню чудное мгновенье». Нет, лучше: «Еще за то меня любите, что умру»... Или...

Все уже сказали за нас поэты. Все.

Или не все? Почти тридцать лет пишу прозу. Но для чего-то же случилось в феврале 2001 года мое «поэтическое помешательство», оно меня ошеломило, признаться – не ждала... Я балансировала на самом острие, на грани между быть и не быть. Ощущение блаженства – непередаваемое. И радость приобщения к одной из самых непостижимых тайн – тайны стихосложения. И папку со стихами храню, как зеницу

ока: если они пришли ко мне – значит это кому-нибудь нужно. А весь файл из компьютера исчез бесследно, как только я внесла туда все стихи, зачем-то разрывая на мелкие кусочки рукописные черновики, записанные впопыхах, бог знает, на чем. Я только успела их распечатать. Мистическое событие!

Я и прозу не ждала, она пришла ко мне спасением от небытия после смерти моей мамы. В 1983 году я написала первое слово в общей школьной синей тетрадке в клеточку – и начала жить заново. В начале было Слово, за ним – возрождение.

Проза! – мне бы этого счастья хватило на всю мою жизнь: самое сильное, яркое, оглушительное переживание! Что уж о стихах говорить. А их теперь еще и поют, композиторы написали музыку и замечательные певицы, актрисы и музыканты исполняют вокальные циклы и музыкальные моноспектакли. Смотрю, слушаю, и время от времени, чтобы не выпадать из реальности, мысленно напоминаю себе: это я написала.

И хочу, чтобы это было со мной всегда. Главное – писать, все остальное – преходяще и не содержит тайны.

Рада Полищук

* * *

Мелким убористым почерком
Пишу свою жизнь набело,
Никто не воздаст почести
За то, что прошло.

И надо ли?

Мелькают обрывки видений,
Свет отраженный и отзвуки,
Плывут чередой привидения
На дальнее сизое облако.
Тают в тумане призрачном
Усталые будни прошлого,
Грубо, вульгарно вызолочен
Оттиск рисунка пошлого,
Тени снуют нахальные,
Перепутаны дни и ночи,
Недруги воют опальные,
Друзья оголтело хохочут.
Все бы начать заново,
С первой волшебной минуты,
Только все в Лету кануло:
Праздники, песни, салюты,
Ветров нечаянных шорохи,
Траурных лент бантики,
Девочек робкий шепот,
Воинственный клич мальчигов,
Мамы и папы в юности,
Мамы и папы в старости,
Первые наши глупости,
Взрослые наши шалости,
Галстуки, ленты, береты,

Оборочки, хвостики, брюки,
Невыкуренные сигареты,
Несбывшиеся разлуки,
Версты лихих расстояний,
Место в плацкартном вагоне,
Обманчивость расставаний
И за жар-птицей погоня.
Мелким убористым почерком
Пишу свою жизнь набело.
Но ни одной строчки
Не написала.

А надо ли?

* * *

Зима, февраль, метель, начало
Шагов и слов, добра и зла,
Печалью музыка звучала –
Я в эту жизнь одна вошла.

Зазеркалье манило обманчиво,
Ворожило, звало в никуда.
И казалось – заветною мантией
Выткан плащ небосвода. Звезда,

Путеводная, гордая, поздняя,
Берегла, как могла, от обид,
От застылого, сирого, грозного,
От которого сердце знобит.

Одна плутала в бездорожье
 Дурных страстей и вещей снов,
 В печальном звоне осторожном
 Несостоявшихся оков.

И охмелев на долгой тризне
 От февраля до февраля,
 Я поняла, что в этой жизни
 Нельзя начать игру с нуля.

Зима, февраль, метель, начало
 Концов и смыслов, бездн и дна,
 Печалью музыка звучала,
 И я ушла совсем одна.

* * *

Виктории, моей сестре, художнику

Утонуло в строке наваждение,
 Растворилось – ищи не ищи.
 Облегчение, искупление –
 Все исчезло и не ропщи.
 Раздражение, искушение –
 Не унять эту лютую блажь.
 Переносится воскрешение –
 Бьют надежду рукой, наотмашь.
 Было призрачным наслаждение,
 Стало явью – что будет потом:
 Непосильное восхождение,
 Криком в горле набухший ком.

Криком в горле,
 Слезою мутною,
 Спазмом стиснутые виски...
 Невозможные, перламутровые
 На холсты ложатся мазки.

* * *

Дом опустел,
 живу одна,
 слева – стена,
 справа – стена,
 вверху – потолок,
 а где-то земля,
 хочу к ней прижаться
 губами,
 моля –
 дай неба глоток,
 дай солнца цветок
 и каплю воды,
 и сполох звезды.
 Нет горше беды,
 чем одиночество,
 равнодушное,
 глухое,
 беспросветное.
 Безответное
 пустое
 одиночество.

* * *

Не понимаю я этот шепот,
 Не понимаю я этот шорох,
 Эти крики и эти громы,
 Эти надрывные вопли истомы.
 Не понимаю, не слышу, не вижу.
 Может быть, попросту – ненавижу?

Не понимаю я вашей улыбки,
 Вашего голоса треснувшей скрипки,
 Не понимаю, над чем вы смеетесь,
 Не понимаю, куда вы зовете.
 Тень вашу, эхо, след ваш ловлю.
 Может быть, просто – люблю?

* * *

Улетаю, улетаю – навсегда.
 Исчезаю, исчезаю – без труда,
 без сожаления,
 без угрозы избавления,
 без обманного смущения,
 без стыда.
 Начинаю, начинаю – иногда
 все с начала, все с начала –
 но куда?

Зачем? Откуда?
 Чисто вымыта посуда,
 убран дом, постель пуста,
 краски убраны с холста,

до порога – лишь верста.
 Дотянуться,
 оглянуться,
 выдох полный,
 взгляд знакомый,
 зов заветного листа –
 чистота.
 Улетаю, улетаю –
 навсегда.

* * *

На верхней палубе бушует лето,
 На нижней палубе – опять зима,
 Корабль качается в сетях планеты,
 Неубедительный, как жизнь сама.

Неодобрительный извечный ропот,
 Неосмотрительный безумный пыл,
 На верхней палубе – бегущих топот,
 На нижней палубе – лежат без сил.

Бушуют ветры и в волнах тонут,
 Корабль мечется, маяк погас,
 На нижней палубе – мрак, грязь и стоны,
 На верхней палубе – подлунный час.

Затихли ветры, нет больше качки,
 Лиловым светом струится луч
 По верхней палубе – с обломком мачты,
 По нижней палубе – в разрывах туч.

* * *

Арабеска – шелком по шелку
причудливо вьется нить,
узором ложится наколка –
рисунок нельзя изменить.

Арабеска – пальцы по струнам,
причудливо льется звук,
призывный, волнующий, лунный,
чарующий все вокруг.

Акробатка – причудливый танец,
гуттаперчевая принцесса
телом гибким и юным манит
и отшельника, и повесу.

Акробатка – летит словно птица,
и не жди, не будет падения,
не журавль она и не синица –
а мечты голубое видение.

Акробатка, арабеска –
слов магическая фреска.
Арабеска, акробатка –
снов кармических загадка.

* * *

Дверь приоткрыта,
И словно из пепла
Медленно, трудно, будто ослепла,
Тень, что заполнила дома углы,
Вяжет, плетет паутины узлы...

Дверь приоткрыта,
И словно из дыма
Зыбко струится закат по стеклу,
Кто-то возносит ночи хвалу,
Кто-то стремглав проносится мимо...

Дверь приоткрыта,
И словно из муки,
Из сокровенного тайного мрака,
Из безутешной и долгой разлуки
Сердце рождается снова из краха...

Дверь приоткрыта,
И словно из стога
В горле трепещет комок безрассудный
И отражение в пламени скудном
Старого дома во власти дракона...

Сказки венец – конец незабывтый:
Словно из пепла, из стога и дыма
Вяжет, плетет паутины узлы
Тень, что заполнила дома углы.

Дверь приоткрыта...

* * *

Ваши бесподобные букеты,
Ваши осторожные приветы,
Затаенной радости приметы –
Это любовь?

Ваша улыбка и тихий голос,
Ваш сединой припорошенный волос,
И ожидание таинства вновь –
Это любовь?

Ваша надежда и ваше сомненье,
Ваше отчетливое волненье
И неожиданное томленье –
Это любовь?

Ваша рука у меня на плече,
Наши прогулки до белых ночей,
Зыбкая тень от задутых свечей –
Это любовь?

Мое навстречу вам стремленье
И мой покой на удивленье,
И просто знание ответа –
Что это?

* * *

Долгими бессонными ночами
Повторяю в бреду, как заклятие –
Я вас помню, люблю и скучаю,
Хоть и глупое это занятие.
Вышиваю узоры крестиком,
Ваше имя плету из ниток,
Не хочу быть беды предвестником
У разбитого вами корыта.
Разрезаю картину ножницами,
Все виньетки и ваше имя,
Не портниха я, а заложница
Ваших вечных интриг с другими.
Не сошью себе сарафанчик,
Не украшу его цветочками,
Ваше имя – негодный мальчик.
Я забуду вас.

Это точно.

* * *

Моя любовь никому не нужна –
это песня без слов, бокал без вина,
это ночи без сна,
камин без огня.
Спасите меня! любите меня!
Любите,
спасите,
но не говорите, что любите,
это – ловушка, капкан,

и взгляд мой восторженно не ловите,
я знаю, я помню – это обман.
Я помню,
я знаю –
все это было, однажды и дважды,
и много раз,
я долго страдала, безумно, отважно,
как будто нарушить не смела приказ.
Не смела
нарушить,
боялась – не будет другого сюжета,
и кончится жизнь.
Хотелось награды, быть может, за это,
но только награды не будет – не жди.
Не будет
награды,
а только, как блики –
желанья, страданья, агония мук
с последней надеждой, что кто-то окликнет
и снова введет в заколдованный круг,
где руки – в мольбе
и губы – раскрыты,
и голос прерывистый
шепчет навзрыд:
любите!
спасите!
Но не говорите, что любите –
нету любви.

* * *

Вокзал закрыт,
и поезда не ходят,
двор инеем покрыт,
и ничего не происходит,
застыла тишина
сосулькой за окном,
и не войдет в мой дом
ни великан, ни гном,
ни сказка, ни беда,
ни жалкая обида.
Не слышно ничего
и ничего не видно,
ресницы дрожат,
руками прикрыто лицо,
я спряталась от
друзей, ворожей, подлецов –
нет мочи терпеть
хор чужих голосов,
их шепот, их зов,
их коварную лесть,
ужимок – не счастье
и уловок – не счастье.
Затравленно в угол гляжу
опустевший
и руки держу
над лицом помертвевшим.
Не знаю я, кто здесь
невидимый ходит,
но сердце любовью

как кровью исходит.
 Не знаю я, кто здесь
 неслышимый бродит, —
 я жизни хочу,
 а она не приходит.

* * *

Часы остановились,
 и сердце не бьется,
 клоун смеется,
 все лампы разбились.
 Руки заломлены,
 нервы — как струны,
 мир заколдованный,
 призрачный, лунный.
 Время исчезло,
 и солнце погасло,
 воздух не дышит —
 все было напрасно.
 Тень затянула завесой окошко,
 света хочу хоть немного,
 немножко.
 Капли дождя зависли в пространстве
 между землей и небом навечно,
 и приседаю я в реверансе,
 и умоляю — пощады, пощады.
 Бесчеловечно!
 Клоун заплакал —
 его все забудут,
 он это знает:
 ведь завтра не будет.

* * *

Перегорела лампа на столе,
 Из дальнего угла шагнула тень навстречу,
 За дверью притаился робкий звук,
 В окно раздался тихий стук,
 Задумчиво клонился к ночи вечер,
 Лениво угли теплились в золе.

Все в ожиданье замерло унылом,
 Жара застыла как желе,
 Прохлада дунула и прервалась на вдохе,
 Во тьме раздолье памяти-пройдохе,
 Не надо больше ни о чем жалеть,
 Желанье вспыхнуло и вдруг остыло.

Перегорела лампа на столе,
 Настала ночь, внезапная, как горе,
 Нет больше ничего на всей земле —
 Ушли закаты, погасли зори.

Перегорела лампа на столе...

* * *

Уповаю на Божью милость,
 но едва ли поверит Он —
 мне *такое* сегодня приснилось,
 что сомненье берет — это сон?
 Это сон, когда по живому
 душу кромсают

и кровь из жил
сгустками сожаления
капает на настил
из пустой человеческой плоти,
грубо растоптанной сапогом
чьим-то безжалостным и жестоким,
и уже подползает огонь,
лижет сжирающим все языком,
выше и выше,
и нету спасения.
Кто с этим пламенем незнаком,
тот не поймет
избавленья сожжением
или самосожженьем,
сейчас, не потом.
Не отложить такую минуту
и не запомнить ее – нет сил,
и передать эту муку кому-то,
кто ее, может быть, заслужил.
Ни поделиться последнею пыткой,
ни пережить ее не суждено,
обречена затяжная попытка –
в корчах последнее рвется звено.

Если такое со мной случилось –
я уповаю на Божью милость.
Или все же мне это приснилось,
или все-таки – это сон?

* * *

Саше, мужу моему

Млечным путем неверным
Лечу, отвергая скверну,
И может быть, и наверно
Не попаду туда,
Где звуки сильнее муки,
Где ласку дарит ладонь,
Коснувшись лица воспаленного
Отчаянного и влюбленного
Мальчика, что некогда был стариком.
Ему не нужны мои руки,
Он погибает в разлуке
С тем, что уже было, когда он был стариком.
Глаза от меня отводит
И дальше и дальше уходит
Туда, где нет ничего,
Только одно сиянье, манящее, золотистое,
И только с полета птичьего
Видно, что там провал.
Я ворожу неистово,
Хочу, чтобы он выстоял
На самом краю пропасти,
Не улетел, не пропал.
Гляжу ему в спину пристально
И заклинаю мысленно:
«Не уходи, возвращайся
В этот последний круг,
Там, за чертою прошлого,
Пылью все запорошено
И не понять за порошею

МОЕЙ МАМЕ –
 В ФОТОРАМКЕ ПОД СТЕКЛОМ
 ЗА БЕЛЫМ ЛИСТОМ БУМАГИ

* * *

Пустынным долгим протяжным плачем
 Из древних сумерек всех праотцев
 Зову и помню – и не могу иначе,
 И слышу вечный ответный зов.
 Плутают в песках вереницы шагов,
 И мечутся слепо следы и следы,
 Я с вами иду, чтоб спасти от беды,
 От газовых камер, погромов и рвов.
 Ищу в просвете меж буквой и словом,
 Углами выставленными напоказ,
 Страданий смысл, божественный, строгий,
 Чтобы принять ваш исход – за вас.

* * *

Моя мама давно не живет в Одессе.
 Она уже нигде не живет. Давно.
 А я – живу, мне это не снится,
 живу – без мамы:
 плачу и ем холодное крем-брюле
 с теплой белой булочкой,
 мамино любимое лакомство,
 сплю и вижу во сне не ее,
 а бог знает, что,
 и плачу, страдаю, ревную, люблю,
 книги пишу – об этом она
 вообще не знает,
 порой ненавижу кого-то,

чего-то очень хочу.
 Мечтаю.
 Живу, одним словом.
 Не скажешь иначе,
 не только ведь плачу –
 даже смеюсь.
 Правда, очень редко
 и никогда – захлеб,
 до слез, до икоты,
 как с мамой смеялись,
 нет – хохотали,
 не помню над чем.
 Ни над чем, просто так...
 Нам хорошо было вместе,
 от первого моего вдоха
 до последнего мамино выдоха.

* * *

Мамино сердце держу в ладонях,
 Прячу его, берегу от всех
 Как птицу, что перестала биться
 В моих ладонях.
 Ее не могу отпустить –
 Она улететь не сможет,
 В землю зарыть не могу –
 Она там дышать не сумеет.
 С маминым сердцем брожу по Одессе,
 Хочу, чтоб оно узнало
 Все, что любило раньше,
 Давно, до войны, до детства,
 Может быть, до рожденья.
 Хочу, чтоб оно как фонарик

Мне осветило дорогу
Туда, где может быть мама сейчас...
Но маму найти не могу.

* * *

Одесса, мой город родной,
Давно опустевший без мамы.
Но мы гуляем с ней вместе
по улицам узнаваемым,
по берегу Черного моря,
самого синего в мире
и самого в мире зеленого,
в каком-то времени странном –
не будущем, не прошедшем,
не настоящем, тем более,
может быть – просто вне времени,
какое имеет значение –
мы ведь гуляем вдвоем,
держимся за руки,
чтобы не потеряться в вечности,
я пальцы сжимаю все крепче
наверное, больно маме,
а я все крепче и крепче
сжимаю ее ладонь,
все крепче и крепче,
пока не пойму, что напрасно
ей боль причиняю –
с безвольно разжатых пальцев
струится в песок пустота,
и слезы давно застыли
в небе осколками льда.

* * *

Одесса, Одесса, Одесса –
город любимый мамин,
она родилась в Одессе,
меня родила в Москве,
а может, все было не так,
совсем по-другому было:
ее я нашла в Одессе,
маленькую, голубоглазую
светловолосую девочку,
никем не любимую –
мы сразу узнали друг друга,
как будто знакомы были всегда,
всегда друг друга любили:
я – мою маму, она – свою дочь,
такая нежданная встреча,
случайная вроде бы даже,
но Случай, вершитель судеб,
нас с мамой столкнул в Одессе,
на Старорезничной улице.
Впрочем, не в этом дело...
Он нас столкнул,
и жизнь состоялась.
Иначе – кто знает...

* * *

Фоторамка на стене,
под стеклом – белая бумага,
как штора на окне.
Если ее отодвинуть,
откроется мир, которого нет.

Давно, нигде, никогда.
 Нет лиц, голосов,
 слов непонятных,
 на языке незнакомом,
 болью бьющих поддых.
 Перехватило дыханье,
 и застит туман глаза,
 и все-таки вижу и слышу,
 всех узнаю безошибочно,
 помню всех поименно –
 от Якова и Рахели
 до Арона и Рацы,
 до Иды и Хаима,
 долгий список имен,
 от праотцев, прародителей
 до бабушек, дедушек,
 мамы и папы,
 моих родных,
 живущих в рамке под стеклом
 за белым листом бумаги,
 как за шторой, прикрывшей неведомое.
 Оно приоткроется мне однажды,
 и страхи исчезнут,
 останется счастье
 от встречи нежданной и жданной,
 теперь мы все вместе –
 в фоторамке под стеклом
 за белым листом бумаги.
 Не задвигайте шторы, пожалуйста.
 Прошу – не задвигайте,
 пусть приоткрыта будет.

* * *
 Мои деды и бабки были евреи –
 От знойного ветра сухого хамсина
 До стылого, резкого ветра-боря
 Растянута вечных скитаний картина.
 С горбинкою нос
 И речь картава,
 И антрацитовый уголь глаз,
 Я вас не помню
 И не искала,
 И не похожа совсем на вас.
 Не познакомились мы
 И не знаем
 Я – ваши беды
 И вы – мою боль,
 Не попрощались
 И не сказали
 Ни слово – навек,
 Ни слово – любовь.
 Но почему я все время вижу
 Дом ваш в местечке
 И тень той беды,
 Что пронесли, не промолвив словечка,
 До гробовой последней звезды,
 Желтой, углами шестью заостренной,
 Вами нашитой на рубища холст,
 Непокоренной и просветленной –
 Злу невозможному
 наперекор.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Первый рассказ написан в 1984 году, первая публикация – в 1985, первая книга – в 1991: «УГОЛ ДЛЯ БЕЗДОМНОЙ СОБАКИ. Повесть о женщине в монологах», Советский писатель, Москва, 1991.

Позже вышли еще семь книг. «С РАЗГОНОМ О РАЗГОНЕ. Беседы. Раздумья. Воспоминания», Мет, Минск, 2000. «РОМАН-МИРАЖ. Истории о любви и ненависти», ТЕКСТ, Москва, 2002 (вошла в лонг-лист премии «Букер» /Россия/ в 2002 году). «ЛЮБИТЬ ХОЧЕТСЯ. Повести, рассказы, стихи», в Большой и Малой серии современной прозы, У-Фактория, Екатеринбург, 2002 (вошла в лонг-лист премии «Российский национальный бестселлер» в 2002 году). «ОДЕССКИЕ РАССКАЗЫ, ИЛИ ПУТАНАЯ АЗБУКА ПАМЯТИ», «ЕС», Москва, 2005. «ЖИЗНЬ БЕЗ КОНЦА И НАЧАЛА», ТЕКСТ, Москва, 2009. «СЕМЬЯ, СЕМЕЙКА, МИШПУХА. По следам молитвы деда», «КЛ», Москва, 2010.

Подборки стихов печаталась в разные годы в журналах, альманахах и других литературных изданиях в России и Израиле.

Автор более ста публикаций прозы в различных журналах, альманахах, антологиях прозы XX века, сборниках в России и за рубежом (Франция, США, Израиль, Финляндия, Украина), поэтических подборок, а также множества журналистских материалов и эссе в центральных российских и иностранных изданиях.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О нашей библиотеке.....</i>	3
Рада Полищук. <i>Биография в двух частях.....</i>	4
«Мелким убористым почерком...».....	6
«Зима, февраль, метель, начало...».....	7
«Утонуло в строке наваждение...».....	8
«Дом опустел...».....	9
«Не понимаю я этот шепот...».....	10
«Улетаю, улетаю...».....	10
«На верхней палубе...».....	11
«Арабеска – шелком по шелку...».....	12
«Дверь приоткрыта...».....	13
«Ваши бесподобные букеты...».....	14
«Долгими бессонными ночами...».....	15
«Моя любовь никому не нужна...».....	15
«Вокзал закрыт...».....	17
«Часы остановились...».....	18
«Перегорела лампа на столе...».....	19
«Уповаю на божью милость...».....	19
«Млечным путем неверным...».....	21
«Смешно, но слезы текут невольно...».....	22
«Я сплю и вижу...».....	23
«Пока в песочных часах не кончается миг...».....	23
МОЕЙ МАМЕ – В ФОТОРАМКЕ ПОД СТЕКЛОМ ЗА БЕЛЫМ ЛИСТОМ БУМАГИ	
«Пустынным долгим протяжным плачем...».....	24
«Моя мама давно не живет в Одессе...».....	24
«Мамино сердце...».....	25
«Одесса, мой город родной...».....	26
«Одесса, Одесса, Одесса...».....	27
«Фоторамка на стене...».....	27
«Мои деды и бабки были евреями...».....	29
<i>Краткая библиография.....</i>	30

Библиотечка поэзии СПМ

РАДА ПОЛИЩУК

МЕЛКИМ УБОРИСТЫМ ПОЧЕРКОМ

Стихи

Издание Союза писателей Москвы

Выпускающий редактор

Л.М. Влодова

Верстка и дизайн макета

Л.М. Влодова

Союз писателей Москвы продолжает выпуск своей поэтической библиотечки. За это время вышли книги Нины Красновой, Александра Ревича, Евгения Бунимовича, Елены Лапшиной. Юрия Влодова, Бориса Дубровина, Людмилы Осокиной, Ивана Смирнова.

Рада Полищук

Библиотечка
ПОЭЗИИ

Союз писателей Москвы